

Наташе было двадцать восемь лет, а Марине — тридцать, обе считали, что в личной жизни им не везет, словно их проклинали, обе работали в скучных конторах секретаршами, обе мечтали удачно выйти замуж и променять офис как минимум на пеленки и борщи. А еще лучше на *dolce vita* за счет прекрасного принца, который будет каждую ночь практически путем доказывать им, что точка G все-таки существует, а каждое утро уходит на работу, на прощание бросив: «Дорогая, деньги в тумбочке, купи себе что-нибудь красивое!» Однако вместо принцев обеим попадались, прости господи, мудаки и какие-то — кто жадина, кто пьяница, а кто и вовсе ночами напролет ставит пятерки с плюсом нимфеткам на сайте «Одноклассники».

Однажды в Сочельник Наташа предложила устроить ночь гаданий. Марина засомневалась — она носила на шее золотой православный крестик и точно знала, что церковь почитает ведовство за грех. А грешить впустую ей не хотелось. С другой стороны, Маринина принадлежность к православной традиции выражалась главным образом в том, что каждую Пасху она с удовольствием красила яйца луковой шелу-

хой, а в Великий пост меняла пельмени с мясом на пельмени с соевым мясом.

Грешила же она постоянно и со вкусом. И сквернословила (правда, ей хотелось верить, что у нее получается произносить слово «х..» с очаровательной богемной непринужденностью), и упоминала имя Бога всуе («Ах, боже мой, какие туфельки!»), завидовала замужним приятельницам («Что может делать этот роскошный мужик рядом с такой овцой?!»), а каждую субботнюю ночь испытывала необъяснимый, но такой по-человечески понятный порыв возлюбить какого-нибудь ближнего то на заднем сиденье его авто, то в отеле (если «ближний» был женат), то и вовсе в сортире ночного бара, куда они с Наташей часто выбирались, — это называлось у них «хоть немного расслабиться».

В общем, Марина согласилась.

Наташа приготовила все, что (как казалось ей самой) нужно для гадания. Красное вино, несколько коробок с замороженными пиццами, блок ментоловых сигарет, а также карты, свечи, зеркала и — на всякий случай — старые стоптанные тапочки, которые можно бросить за ворота, подражая девицам из далекого прошлого, по меркам которых обе, и Наташа, и Марина, давно были безнадежными старухами.

Сначала, как водится, выпили. Обсудили всех общих знакомых, посетовали на то, что эпиляция в салоне напротив опять подорожала на двести рублей, и что единственный приличный мужик из Наташиной конторы на прошлой неделе женился, и что в Москве не водятся клоны Джейсона Стетхема, и что «почти тридцать» — это, с одной стороны, не возраст, а с другой — начинают хрустеть суставы и сесть виски.

К гаданию приступили, когда обе были уже навеселе. В картах сразу запутались. Зато в кофейной гуще, которую вытряхнула на блюдечко Марина, явственно прорисовались очертания фаллоса.

— А он большой! — обрадовалась та.

— Ну да, уместается на блюдечке, — фыркнула Наташа.

А когда Наташа выплеснула воск в тазик с прохладной водой, получилась восковая туфелька.

— Может быть, это значит, что я выйду замуж за итальянца?

— А может быть, это значит, что в гололед ты сломаешь каблук?

Потеряв интерес к воску, девушки решили попробовать увидеть судьбу в зеркальном коридоре. Идея была Наташина, Марина же сначала сопротивлялась.

— Мне бабушка в детстве говорила, что нельзя долго смотреть в зеркальный коридор — увидишь за спиной мертвяка, который позовет тебя за собою.

Наташа решила гадать первой. Она закрылась в комнате и велела подруге ни под каким предлогом не входить, пока она сама не позовет. Марина налила себе зеленого чая, открыла какой-то дурацкий журнал, прочитала статью о том, что массивные серьги с массивными бусами — это пошлость, а красить ногти на руках и ногах одним цветом — прошлый век. Наташи все не было.

Марина разогрела кусочек пиццы, выпила еще чая, потом вина, потом (после второй бутылки сухого красного с ней часто такое случалось) написала SMS всем своим эксам: «Я совсем не соскучилась, а ты?»

Какой-то из них, обозначенный в записной книжке ее телефона как «Не брать трубку 9», даже ответил: «Я тоже».

У Марины было восемнадцать мужчин, которых она последовательно переименовала в «Не брать трубку» и уже успела забыть, кому какой номер присвоила. Наташа все не появлялась.

Небо начало светлеть.

Марина раздраженно посмотрела на часы. «Может быть, она спяну уснула, а я тут, как идиотка, жду?»

Она решительно покинула кухню, и остановившись перед дверью Наташиной спальни, постучала — сначала осторожно, потом все более настойчиво. И только потом решилась распахнуть дверь.

Позже Марина ругала себя за то, что была такой легкомысленной. Надо было позвонить в милицию, в «скорую», соседям, любому из списка «не брать трубку» — только чтобы не видеть того, что она увидела, зайдя в спальню подруги.

Наташа лежала на спине, раскинув руки, и лицо ее было перекошено гримасой такого первобытного ужаса, что у Марины встали дыбом мелкие волоски вдоль позвоночника. В комнате было холодно, пахло растопленным воском. Рядом с мертвой девушкой лежало разбитое зеркало.

Марина закричала.

Приехавшие позже врачи покачают головой — нет, ничего сделать было нельзя, оторвался тромб, все равно Наташу не успели бы спасти.

Гример из морга отказался работать с Наташиным лицом, и хоронили ее в закрытом гробу.

CTAPΘE ΚΛΑΔΒΗΩE

Кладбищенский сторож, которого все фамильярно называли Саньчем, давно знал, что старуха Евдокия Петровна, полвека назад похороненная, задержалась в междумирии и бродит по ночам. Смотрел он на это философски: во-первых, сознание его было изменено многолетним соседством с мертвыми, во-вторых, спать он без поллитрушки никогда не ложился — водка была его личным миротворцем, способным осенить спокойствием любые странные обстоятельства, в-третьих, к своим подопечным, спавшим в гробах, Саньч относился с почти отеческой теплотой. Человеком он был одиноким, и мертвые стали его безмолвными друзьями, теми, к кому каждый день были обращены его остававшиеся без ответа речи. Были у него «любимые» мертвецы, были и те, на могилах которых он почти никогда не появлялся.

Администрация кладбища считала Саньча человеком странным, но работу его ценила — в свободное время он приводил в порядок бесхозные могилы, поправлял кресты, если те начинали кособочиться от дождя, ветра и времени, даже иногда высаживал на могильные холмики садовые астры и незабудки. Своей лучшей подругой считал некую Настеньку, умершую

в возрасте четырнадцати лет, — на ее памятнике была черно-белая фотография: серьезная девушка с оленьими глазами и решительно сжатым ртом. Люди с такими лицами становятся учеными или революционерками, Настенька же покинула мир, толком его и не познав.

Саньч ее жалел и часто приходил на ее могилу жаловаться. Ноги болят к дождю, отопление в стожке опять не работает, зарплату задержали, водка подорожала — всё это рассказывалось холодному памятнику, и Саньчу казалось, что Настенька смотрит на него с пониманием. Он всегда старался ее как-то порадовать — то крошек хлебных на могилу набросает, чтобы вечная тишина и мерзлота, ее окружавшая, была нарушена птичьим гомоном. То весной земли свежей на холмик подсыпет да цветочков высадит. И казалось старому Саньчу, что мертвые понимают его лучше, чем живые. У могил он входил в какое-то особенное состояние, как будто бы и сам проваливался в безвременье и междумирие. Даже дыхание его замедлялось, взгляд останавливался, и сам он становился больше похожим на могильный памятник, серого каменного ангела, чем на человека из плоти и крови. С мертвыми можно было неторопливые беседы вести — чаще мысленно, но иногда и вслух. Они не отвечали, но Саньч точно знал, кто его слышит, а к кому обращаться смысла нет. У него даже была на этот счет собственная теория: после смерти большинство душ отправляются по уготованному им маршруту — сначала, подобно мелкой пыли, развеивается над миром информация, им принадлежавшая — воспоминания, знания, отпечатки лиц, на ко-

торые они когда-то смотрели с любовью. Эта информация, как купол, окружает землю, и иногда можно неосознанно уловить ее отголоски — как будто бы в голову вдруг пришла чужая мысль, приснился чужой дом или человек, которого ты совершенно точно не видел никогда, но почему-то лицо его родным кажется. Потом уходят эмоции. Душа как будто бы раздевается, слой за слоем отбрасывает ненужное, чтобы пойти дальше налегке. Но есть люди, которые цепляются за отжившие слои своей личности, — то ли боятся дальше идти, то ли не имеют на это сил. Задерживаются, шатаются по миру бледными отпечатками самих себя.

Летом он любил проводить на старом кладбище всю ночь, до рассвета. Его сознание давно примирилось с этим местом — в отличие от большинства живых, у Саныча не было иррациональных страхов, связанных с погребением. Обычная будничная декорация его спокойной и, в сущности, счастливой жизни. Он медленно бродил по аккуратно подметенным дорожкам, иногда по-хозяйски поправлял сбитый ветром венок на чем-нибудь кресте, отмечал про себя, где что надо починить или подкрасить, дышал этой вязкой, особенной прохладой, наслаждался соседством с вечностью, ее торжественностью и величием, перед которым меркли все заботы, планы и проблемы.

Вот во время одной из таких прогулок он старую Евдокию впервые и увидел. Почему-то страха не было — хотя другой, возможно, за одну ночь поседел бы. Бродит между могил старуха в саване, спина у нее прямая — такая осанка редко встречается у пожилых,

руки вытянуты по швам, как две гитарные струны, лицо желтое и плоское, как тусклая полная луна, глаза закрыты, но несмотря на это идет она уверенно, не спотыкается, как будто точно знает направление.

Саньч почему-то сразу старуху узнал, хотя до этого видел только фотографию на ее памятнике. На снимке Евдокия немного по-другому выглядела — смерть меняет не столько черты, сколько атмосферу. Покойники-шатуны обычно такие вязкие, лица у них, как воск подплавленный — как будто бы вот-вот кожа и мясо с костей стекать начнут.

Сторож подошел поближе, закурил. Евдокия на него не обращала внимания — наверное, чувствовала, что мешать он не собирается и напитать ее яркими эмоциями — ужасом, тоскою, — не может. Они были друг для друга не более чем декорации. Две параллельные прямые, которые пересеклись в альтернативном измерении, вопреки земным физическим законам. С тех пор Саньч часто ее примечал — покойница появлялась будто бы из ниоткуда, всегда ближе к рассвету, и несколько часов тихо шаталась по кладбищу, между могил. Что она искала, что хотела получить — ему известно не было.

Есть такие люди, которые смерть тонко чувствуют. Рожденные с мрачным даром смотреть смерти в лицо, а потом возвращаться. Редкость это большая, и люди такие, как правило, не знают, как можно обрратить этот талант себе на пользу. Не у кого им научиться, да и предпочитают они не распространяться о том, что видят — людей ведь обычно так пугает соседство смерти, степень отрицания иногда настолько зашкаливает, что они готовы записать в извращен-

цев и сумасшедших всех, кто смотрит на мир под другим углом и видит чуть больше их самих. Тихо наслаждаются, ни с кем не делясь. Люди эти обычно одиноки, и если прогуляться неспешно по любому большому кладбищу — особенно ближе к вечеру, — можно увидеть кого-нибудь из них. Я называю их свидетелями смерти — звучит, возможно, слишком пафосно, зато отражает суть. Оpoznать их можно по особенному выражению лица — они как будто бы погружены в глубокую медитацию. С одной стороны — спокойствие и отрешенность на грани анабиоза, с другой — стопроцентное внимание, гурманское чувство момента.

И однажды мне довелось познакомиться и даже несколько лет пожить бок о бок с человеком, который чувствовал смерть настолько тонко, что как будто бы общался с нею запанибрата как с равным себе собеседником. Человек этот в итоге определил и мою судьбу.

Случилось это в девяносто втором году, и мне тогда едва исполнилось пятнадцать лет.

Самое главное воспоминание моего детства — дождь. Казалось, дождь был всегда — то беловатая морось, то ледяной ливень водопадом, то просто густой влажный воздух — выходишь на улицу, и как будто бы кто-то проводит по твоему лицу влажными ладонями. О деревне, в которой я родился, ходили слухи, будто бы построили ее в проклятом месте, и сюда никогда не заглядывает солнце. У каждого жителя был тяжелый непромокаемый плащ, какие обычно носят рыбаки, летом — галоши, осенью — вы-